

Поэтический цикл С. Есенина «Персидские мотивы» и Шаганэ Тальян как один из прототипов восточной женщины

*Саакян Эгине
Ергениян Ани*

Ключевые слова: любовная лирика, восточные мотивы, персиянка, женские образы, Лала, Гелиа, Шаганэ (Шага)

Одним из высших достижений любовной лирики С. Есенина является его знаменитый цикл «Персидские мотивы». Этот цикл был написан в 1924-1925 годах. В нем отразились впечатления от поездки поэта на Кавказ. Вошедшие в цикл стихотворения («Шаганэ ты моя, Шаганэ...», «Руки милой – пара лебедей», «Ты сказала, что Саади...», «В Хороссане есть такие двери» и т.д.) выражают различные оттенки и вариации любовного чувства: ревность, грусть, любовное томление, измена, любовные ласки.

Предметом исследования в рамках статьи являются образы восточных женщин и восточные мотивы произведений С. Есенина.

Целью статьи является литературный анализ образов женщин в «Персидских мотивах» С. Есенина с целью выявления роли и значения восточных красавиц в произведениях и в жизни писателя.

Задачи – Исследовать поэтический цикл С. Есенина «Персидские мотивы».

Актуальность статьи заключается в переосмыслении лирических стихов С. Есенина с позиции выявления воздействия прототипа лирической героини на формирование литературного образа.

Новизна статьи заключается в попытке анализа цикла С. Есенина «Персидские мотивы» с позиции рассмотрения прототипов восточных красавиц.

В сборнике «Персидские мотивы» выявляется лирический образ прекрасной персиянки, в глазах которой герой «увидел море, полыхающее голубым огнем» [6; 237]. Женский образ «Персидских мотивов» собирательный. Все героини цикла – Шаганэ, Гелиа, Лала – прекрасны и удивительны, так же, как и восточный мир.

Загадочная страна Персия привлекает С. Есенина и необычностью нравов, и экзотичностью природы, и загадочностью женщин. Молодой писатель И. Рахилло хотел узнать, о чем же произведение С. Есенина. На что поэт ответил, что его стихи о счастье в любви и о быстротечности этого счастья [1].

С. Есенин проявлял пристальное внимание к поэтическому наследию Востока. Персия манила, возникая в его творческом сознании. Увлечение своеобразным искусством классиков Востока сказалось и в самом поэтическом строе персидских стихотворений. Персия С. Есенина – это Восток, «созданный» не только «с живого глаза»; это Восток и Корана («Магомет перехитрил в Коране...»), и арабских сказок («Где жила и пела Шахразада...»), и привлекательные имена и названия (Шаганэ, Лала, Босфор, Тегеран, Багдад), и традиционные народно-поэтические представления, метафоры, образы («Красной розой поцелуи веку ...»)

В «Персидских мотивах» С. Есенина, кроме Магомета, встречаются еще три реальных исторических имени – Саади, Хайям, Фирдоуси. Восточные поэты живут в поэтическом мире «Персидских мотивов» среди своих исторических реалий и в символическом плане наполняют собой мир Персии и мир русского поэта, который сопоставляет «свою» Персию с их «голубой страной».

Диалог, который ведет С. Есенин с Саади, Хайямом, Фирдоуси, строится двупланово. Вначале С. Есенин подчеркивает свое уважительное отношение к миропониманию восточных поэтов, а потом уже выявляет сходство или различие между собой и поэтом Востока. Своеобразный ключ к «диалогу» – имя восточного поэта, включается в повторяющуюся строку и проходит через всю строфу или стихотворение. Элементы образного строя восточной поэзии пронизывают стихи С. Есенина, передают реалии, быт, нравы, пейзаж Востока. Назидательно-философская составляющая «Персидских мотивов» сближает лирического героя с восточными поэтами, которые делились своим опытом и мудростью в иносказательных рубаи и газелях.

В цикле рисуется идеальный мир красоты, гармонии счастья в

другой, экзотической стране. «Персидские мотивы» противопоставлены «Москве кабацкой». Однако увлекаясь Востоком, поэт помнил свою «страну березового ситца» и образ России непременно присутствует в произведениях цикла.

Находясь в Батуме, С. Есенин опубликовал в местной газете два персидских стихотворения, написанных в Тифлисе. 20 декабря, все еще находясь в Батуме, он отправил Бениславской два новых стихотворения персидского цикла – «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» и «Ты сказала, что Саади...», созданные непосредственно перед этим (на рукописи второго стоит дата 19 декабря, первое же, согласно выводам В. Г. Белоусова на основании предшествующей переписки поэта, вряд ли могло быть написано раньше 18 декабря) [3]. В этих двух стихотворениях впервые возникает образ персиянки Шаганэ. Имя этому персонажу, в общей сложности фигурирующему в шести произведениях С. Есенина, было дано в честь приехавшей в Батум из Тифлиса учительницы, бывшей подпольщицы-коммунистки Шаганэ Нерсесовны Тертерян – во втором браке Тальян, с которой поэт познакомился незадолго до этого, хотя сначала героиню стихов С. Есенин планировал назвать Лалой:

«Я б порезал розы эти, // Ведь одна отрада мне – // Чтобы не было на свете // Лучше милой Шаганэ» [6; 237].

«Ни к чему в любви моей отвага. // И зачем? Кому мне песни петь? - // Если стала не ревнивой Шага, // Коль дверей не смог я отпереть, // Ни к чему в любви моей отвага» [6; 241].

«Ни к чему в любви моей отвага. // И зачем? Кому мне песни петь? – // Если стала неревнивой Шага, // Коль дверей не смог я отпереть, // Ни к чему в любви моей отвага» [6; 243].

«Я не знаю, как мне жизнь прожить: // Догореть ли в ласках милой Шаги // Иль под старость трепетно тужить // О прошедшей песенной отваге?» [6; 241].

В стихотворении «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» [6; 236], постоянно возникает сравнение Персии и России. Поэт «с севера» оказался рядом с девушкой с юга. Замечательно в этом плане стихотворение «Никогда я не был на Босфоре...» [6; 237-238]. В стихотворении

чувство любви к женщине тесно переплетается с чувством любви к Родине.

Но, не смотря на разность, герой, уставший от жизненных невзгод, ищет успокоения у своей возлюбленной: «Наклонись своим красивым станом, // На коленях дай мне отдохнуть» [6; 237].

Лирический герой стихотворения устал, ищет покоя, возможно, хочет убежать от своей прошлой жизни. Поэтому он приехал так далеко, в Персию. В объятиях экзотической красавицы он ищет забвения: *«Я давно ищу в судьбе покоя, // И хоть прошлой жизни не клян, // Расскажи мне что-нибудь такое // Про твою веселую страну»* [6; 237].

Но забыться не получается, потому что герой очень тоскует по родине: *«Заглуши в душе тоску тальянки, // Напой дыханьем свежих чар, // Чтобы я о дальней северянке // Не вздыхал, не думал, не скучал»* [6; 237].

Несмотря на разъедающую душу тоску, герой всеми силами пытается погрузиться в любовь и с помощью нее возродиться очищенным и обновленным: *«И хотя я не был на Босфоре – // Я тебе придумаю о нем. // Все равно – глаза твои, как море, // Голубым колышутся огнем»* [6; 238].

Герой видит в персидских женщинах загадочность, некую неизведанную магическую власть. Это сказочные существа, наподобии райских птиц. Именно поэтому уместна метафора рук-крыльев: *«И меня твои лебяжьи руки // Обвивали, словно два крыла»* [6; 243].

В начале пребывания в Баку С. Есенин под присмотром П. Чагина проходил курс лечения, но был подавлен, выглядел, по свидетельству редактора газеты «Красная новь» Александра Воронского, потерянным и подолгу плакал [7]. Этот эмоциональный настрой нашел свое отражение в стихах «Воздух прозрачный и синий...». Постепенно, однако, настроение С. Есенина благодаря заботе П. Чагина стало улучшаться, и уже «Золото текучее луны...» звучало в прежнем жизнерадостном ключе, а написанное 8 апреля стихотворение «Голубая да веселая страна...» предваряется

посвящением «Гелии Николаевне Чагиной» (так называла себя шестилетняя дочь Чагина Роза, с которой поэт в эти дни подружился). Впоследствии это стихотворение стало замыкающим в цикле «Персидские мотивы».

«Дорогая Гелия, прости. // Много роз бывает на пути, // Много роз склоняется и гнется, // Но одна лишь сердцем улыбнется. // Улыбнемся вместе, ты и я, // За такие милые края. // Ветер с моря, тише дуй и вей – // Слышишь, розу кличет соловей? // Голубая да веселая страна. // Пусть вся жизнь моя за песню продана, // Но за Гелию в тених ветвей // Обнимает розу соловей» [6; 246].

В цикле выводится и образ Лалы. Трудно сказать наверняка, был ли реальный прототип этого образа. Хотя среди многочисленных знакомых С. Есенина отыскать какую-нибудь «Лалу» не составляло труда. В. Е. Холшевников справедливо обратил внимание на то, что на фарси «Лала» (точнее, «лаала») значит «тюльпан», кроме того, имя Есенин мог просто придумать, произведя его от старинного «лал» (драгоценный камень, яхонт) [5; 234]. Правда, С. Есенин мог ввести не обязательно персидское имя, а тюркское, армянское или грузинское – вообще ориентальное, «восточное». Кроме того, В. Е. Холшевников обоснованно напомнил, что близкое по звучанию восточное имя встречается в русской поэзии, в стихотворении В. А. Жуковского «Лалла Рук».

«Так спросил я, дорогая Лала, // У молчащих ночью кипарисов, // Но их рать ни слова не сказала, // К небу гордо головы зависив» [6; 244].

Любовь к «прекрасной Лале» наполняет душу лирического героя огромным счастьем, радостью, дает новое видение жизни. Она помогает по-новому взглянуть на мир и переосмыслить его. Человек свободен в проявлении его естественных чувств, в поклонении женщине и красоте.

В мае книга «Персидские мотивы» была готова к выходу. По распоряжению автора хронологический порядок расположения стихотворений в книге был изменен.

В Мардакяне С. Есенин намеревался завершить персидский цикл: из запланированных двадцати стихотворений к тому времени

были написаны одиннадцать и опубликованы десять. За первые пять дней августа он создал два новых – «Быть поэтом – это значит то же...» и «Глупое сердце, не бойся...», уже 7 августа появившиеся в «Бакинском рабочем». Темы их были настолько разными, что поэт сразу же решил разнести их по циклу: если «Быть поэтом – это значит то же...» могло занять в нем одиннадцатое место, то второе стихотворение С. Есенин запланировал поместить ближе к концу. Вскоре после этого, между 6 и 8 августа, было написано стихотворение «Руки милой – пара лебедей...». Возможно, С. Есенин работал над ним и раньше, на что указывает использованный перифраз пословицы «если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Ширази» [2; 241], которую он упоминал еще в письме от 8 апреля, а также тот факт, что одновременно с ним, 10 августа, в «Бакинском рабочем» появилось созданное еще в апреле стихотворение «Голубая да веселая страна...». Наконец, 14 августа было опубликованное ставшее тринадцатым в цикле стихотворение «Отчего луна так светит тускло...». По-видимому, несколькими днями раньше было создано «Море голосов воробьиных...», которое С. Есенин первоначально тоже собирался включить в цикл, но осенью, в процессе подготовки Собрания стихотворений, отказался от этой идеи и определил окончательный объем цикла пятнадцатью стихотворениями. Тогда же в стихотворении «Золото текучее луны...» «текучее» было заменено на «холодное» [4; 124].

В 1960-е годы была выдвинута гипотеза, что по включению в цикл готовилось также стихотворение «Тихий ветер. Вечер синехмурый...», опубликованное в марте 1926 года, уже после смерти С. Есенина, в «Красной газете», которую в то время возглавлял П. Чагин. Однако В. Белоусов доказывает, что оно изначально не имело отношения к «Персидским мотивам» [3].

«Я спросил сегодня у менялы» – одна из миниатюр цикла «Персидские мотивы», доносящая негу и экзотику южного края, ритмы и музыку, иносказательность и символику необычной речи. Стихотворение состоит из двух симметричных частей, каждая из которых включает по три строфы. Эти две части призваны

сопоставить два типа любви. В первой, построенной на троекратной анафоре (*«Я спросил сегодня у менялы»*), анафорические повторы (*«я спросил», «как сказать», «прекрасной Лалы»*), ассонансы (подбор слов с широко звучащими «А», «Ы», «У») и экзотизмы (*«тише Ванских струй»*) передают тихо журчащую музыку полуденной страны.

Цикл написан под влиянием двух культур. Автор щедро использует традиционные художественные символы персидской лирики как чадра, лепестки розы. Но лирический герой – русский поэт, отсюда и употребление исконно русских слов как «яхонты», «по рублю» и т.д. Строка-рефрен «Я спросил сегодня у менялы» каждый раз привнося дополнительные, а порой и контрастные оттенки.

Цикл изобилует яркими художественно-выразительными эпитетами («прекрасная Лала», сравнениями («глаза, как яхонты», «красной розой поцелуи веют») анафорами (*«О любви в словах не говорят, // О любви вздыхают лишь украдкой» // «Поцелуй названья не имеет, // Поцелуй не надпись на гробах.»* [6; 235].

Чувственность поэта не знает границ и запретов. Отсюда понятно появление телесных и осязательных образов: губы, поцелуи, руки, которые красноречивее словесных определений и знаков: *«Ты – моя» сказать лишь могут руки, // Что срывали черную чадру»* [6; 235]. Поэту ближе и любовное томление со словами, ласкающими слух, и чувственная страсть. Руки в его стихотворении срывают черную чадру – символ сокрытия и унижения красоты.

В «Персидских мотивах» С. Есенина в последний раз мы встречаем образ прекрасной персиянки в стихотворении «Отчего луна так светит тускло...» [6; 244].

Шаганэ Нерсесовна вспоминает, что целых три дня, когда она болела, а сестра уходила на службу, Сергей Александрович с утра являлся к ним, готовил чай, беседовал с ней, читал стихи из «Антологии армянской поэзии» [8; 295]. Она пишет о его доброте, небезразличии к беспризорным детям, любви к животным. отмечает, что С. Есенин интересовался армянской поэзией. «Соседи

имели «Антологию армянской поэзии» в переводах Брюсова, и Сергей Александрович, бывая у нас, нередко просил принести эту книгу и читал ее» [8; 276] . Особенно он интересовался Егишэ Чаренцем.

Шаганэ Тальян с теплотой вспоминала о встрече с Сергеем Есениным, отмечая, что С.А. Есенин есть и до конца дней будет светлым воспоминанием ее жизни [8; 271].

Последней встреча Шаганэ Нерсесовны с С. Есениным, была вечером, накануне отъезда. Сергей Александрович пришел к ним и объявил, что уезжает. Он сказал, что никогда ее не забудет, но не захотел, чтобы Шаганэ с сестрой его провожали. Писем от него она также не получила [8; 267].

Лирика Есенина значительно обогатила русскую литературу, посвященную великой мировой тайне – любви. Его привлекали не только красота восточных женщин, но и сам Восток. Изучив цикл трудно поверить, что он создавался на Кавказе, а в Персии поэт так и никогда не побывал. Как мы видим в стихотворениях поэтического цикла часто повторяются восточные женские имена. При рассмотрении цикла 13 раз можно встретить имя Шаганэ (Шага), 4 раза – имя Лала, 2 раза – имя Гелия. Женские образы поэт рисует чистыми и нежными красками, часто прибегая к сравнению ее с природным явлением. Как, например, в стихотворении «Улеглась моя бывлая рана» из цикла «Персидские мотивы». В нем поэт сравнивает лицо прекрасной восточной красавицы с зарей: «Что лицом похожа на зарю» [4; 119].

В любовных стихах Персидского цикла, поэт раскрывает не только всевозможные оттенки любви к женщине, но и раскрывает образ родины в сравнении Востока с Рязанью. Поэтический цикл «Персидские мотивы», как и все творчество С. Есенина имеет автобиографическую основу, благодаря чему раскрывает личность поэта и его душу.

Литература

1. Анализ цикла "Персидские мотивы" [Электронный ресурс] – Режим доступа:
URL : https://classlit.ru/publ/literatura_20_veka/esenin_s_a/analiz_cikla_persidskie_motivy/92-1-0-552 (дата обращения 15.04.2020)
2. Баштова Н. Г. Есенин С. А. Собрание сочинений в одной книге. Харьков: Книжный Клуб «Клуб семейного досуга». 2017 – 960 с.
3. Белоусов В. Г. Персидские мотивы. Батумская зима. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL : Esenin.ru. (дата обращения 02.05.2020)
4. Есенин С. Поэмы и стихотворения. М.: Русский язык. 1986 – 275 с.
5. Есенин С. А. Полное Собр. Соч. В 7тт. М.: «Наука» – «Голос». Т.1. Стихотворения. 1995 – 672 с.
6. Есенин С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986 – 464 с.
7. Козловский А. А., Кошечкин С. П. С. Есенин в воспоминаниях современников. В 7тт. М.: Художественная литература. Т.2. – 511 с.
8. Фокин П. Е. Есенин глазами женщин. СПб: Амфора. 2006 – 429 с.

**Ս. Եսենինի «Պարսկական մոտիվներ» բանաստեղծական շարքը և
Շահանե Թալյանը՝ որպես արևելյան կնոջ կերպարի
նախատիպերից մեկը**

*Սահակյան Հեղինե
Երզնյան Անի*

Ամփոփում

***Հանգուցային բառեր.** քնարերգություն, արևելյան մոտիվներ, պարսկուհի, կանացի կերպարներ, Լալա, Հելիա, Շահանե (Շահա)*

Ս. Եսենինի սիրային քնարերգության բարձրագույն նվաճումներից է նրա հայտնի «Պարսկական մոտիվներ» շարքը: Շարքը գրվել է 1924 - 1925 թվականներին: Եսենինին հետաքրքրում էին սիրային զգացմունքի տարբեր երանգները՝ խանդ, տխրություն, դավաճանություն և այլն: Այս ժողովածուի մեջ բացահայտվում է գեղեցիկ պարսկուհու քնարական կերպարը, որի աչքերում հերոսը «տեսավ կապույտ կրակով բոցավառվող ծովը»: Շարքի բոլոր հերոսները՝ Շահանեն, Հելիան, Լալան, գեղեցիկ և զարմանալի են: Մանրմասն նկարագրվում է Շահանե Թալյանի կերպարը, նա գրականության ուսուցիչ էր Բաթումի դպրոցներից մեկում: Սրա վառ ապացույցն է «Շահանե, դու իմ, Շահանե ...», «Դու ասել ես, որ Սաադին...», «Խորասանում կան այնպիսի դռներ» և այլ բանաստեղծություններ: Իր մտքերն ու զգացմունքները փոխանցելու համար բանաստեղծը օգտագործել է բազմաթիվ վառ գեղարվեստական և արտահայտիչ միջոցներ:

Պարսկական ցիկլից սիրային բանաստեղծությունների միջոցով հեղինակը բացահայտում է ոչ միայն կնոջ հանդեպ սիրո բոլոր երանգները, այլև հայրենիքի կերպարը՝ Արևելքի և Ռյազանի համեմատությամբ: «Պարսկական մոտիվներ» բանաստեղծական ցիկլը, ինչպես և Ս. Եսենինի ամբողջ ստեղծագործական ժառանգությունը, ունի ինքնակենսագրական հիմք, ինչը բացահայտում է բանաստեղծի անհատականությունն ու հոգին:

The Poetry Cycle of S. Yesenin “Persian Motifs” and Shagane Talyan as One of the Prototypes of an Oriental Woman

*Sahakyan Heghine
Yergenyan Ani*

Summary

Key words: *lyricism, Oriental motifs, Persian women, female images Lala, Helia, Shahane (Shaha)*

One of S. Yesenin’s greatest achievements in love lyricism is his famous cycle “Persian Motives”. This cycle was written from 1924 to 1925. Yesenin was interested in different aspects of love: jealousy, sadness, betrayal, and so on. This collection reveals the lyrical image of a beautiful Persian woman, in whose eyes the hero “saw the sea blowing with blue fire.” All the heroes of the cycle, Shahane, Helia, Lala, are beautiful and amazing. Shahane Talyan’s character is described in detail, she was a literature teacher at the Batumi school. “Shahane, you are mine, Shahane”, “You said that Saadin”, “There are such doors in Khersones” and other poems are the proof of that. The poet used a lot of vivid artistic and expressive means to convey his thoughts and feelings.

With the amorous verses from the Persian cycle, the poet reveals not only all kinds of shades of love for a woman, but also reveals the image of the homeland in comparison with the East and Ryazan. The poetic cycle “Persian motifs”, like all of S. Esenin’s work, has an autobiographical basis, which reveals the poet’s personality and soul.

Ներկայացվել է 10.09.2019 թ.

Գրախոսվել է 18.05.2020 թ.

Ընդունվել է տպագրության 27.05.2020 թ.